

гих сотнях работ, которые будут созданы ее учениками после ее смерти. Наряду со школами Резерфорда и Лизы Мейтнер, школа Склодовской-Кюри определила развитие учения о радиоактивности и атомном ядре, которые сейчас сделались центром всей физической науки.

ПОЛЬ ЛАНЖЕВЕН*

10 лет прошло уже со дня смерти Поля Ланжевена, но он все еще жив в памяти тех, кто имел счастье личной дружбы с ним, он жив в своих учениках, в своих научных идеях, в моральной красоте своей личности.

Я вспоминаю Ланжевена в 1924 г. на конгрессе Сольвея в Брюсселе. Это были годы власти Пуанкаре и Клемансо. Для Ланжевена была невыносима мысль, что недостойный поток шовинизма, вражды ко всему передовому, и в частности к Советскому Союзу, могут приписать французскому народу. С гордостью истого патриота он утверждал, что французский народ остался верен традициям Великой революции, идеям Коммуны. И как же он сиял, когда ближайшие выборы принесли победу Народному фронту.

Так же горячо Ланжевен протестовал против клеветы на легкомыслие парижан, вызванной индустрией увеселений для иностранных туристов. Французы скромный, грудолобивый и свободолюбивый народ!

С какой любовью он говорил об истории Франции, о красотах ее провинций, не упуская случая внушить любовь к своей родине тем, кто ее еще не знает.

Все лучшее, что мы связываем с Францией, как светочем культуры на протяжении столетий, все это воплощается в личности Поля Ланжевена и поэтому никогда не умрет.

Яркий образ Ланжевена вырос на французской почве и отражает ее. Недаром же он так тесно связан с плеядой лучших людей Франции — своим учителем Пьером Кюри, учеником Фредериком Жолио-Кюри, своими друзьями и учениками, лучшими представителями французской науки. Все, что окружало Ланжевена, подпадало под влияние его моральной чистоты, его таланта, силы и искренности его убеждений.

* Статья написана 17 декабря 1956 г. к десятилетнему юбилею со дня смерти П. Ланжевена для газеты «Юманите» и опубликована в журнале: Вопросы философии, 1980, № 12, с. 145.

Поль Ланжевен

Как итог его глубоких размышлений прозвучала в 1933 г. фраза: «Если вы хотите понять развитие учения об атомном ядре, нет другого пути, кроме диалектического материализма».

С такой же логической неизбежностью Ланжевен пришел к коммунизму, как к выразителю стремлений всей своей жизни.

Как физик я полюбил Ланжевена за неувыдаемую свежесть и яркость его мысли. Знанием магнитных свойств мы обязаны Пьеру Кюри, их пониманием — Полю Ланжевену. Много изменилось в физике за 40 лет, прошедших с опубликования теории магнитных явлений Ланжевена, но его идеи живы и сейчас. Больше того, методы и мысли его перешли на другие области физики и там оказались плодотворными. Такую же судьбу разделяет и вся его научная деятельность.

Ланжевен предоставлял полную свободу творчества своим ученикам. И все же на всей французской физике нашего века лежит печать его личности. Но это в то же время печать французского гения, четкой мысли, широких обобщений, здравого материализма.

Я не знал человека лучше Ланжевена. В нем сочеталось все, за что мы любим Францию.

СУПРУГИ ЖОЛИО *

Ирен Кюри и ее муж Фредерик Жолио заняли в современной физике такое же выдающееся место, как 35 лет тому назад Мария Склодовская и ее муж Пьер Кюри, открывшие радий и создавшие учение о радиоактивности. Ирен Кюри и Жолио открыли искусственную радиоактивность, вместе с Чедвиком они участвовали в открытии позитрона. Но этим далеко не исчерпывается их роль в физике атомного ядра. Изучение позитрона, произведенное Жолио, открытие новых семейств радиоактивных элементов Ирен Кюри дали новый и большой толчок к расширению наших знаний об атомном ядре.

Жолио и Ирен Кюри вышли из школы Марии Кюри. Эта школа — Парижский радиевый институт, который создала и которым до самой смерти в 1934 г. руководила Мария Кюри, — отличалась исключительной тщательностью и строгостью методики, точностью измерений и широким охватом явлений радиоактивности.

Когда 5 лет тому назад начался штурм атомного ядра, во главе соответствующих исследований в институте Кюри стали супруги Жолио. За ними был опыт и прекрасная школа в области радиоактивности, им пришел на помощь талант экспериментатора, но у них не было основных технических орудий, которые имели физики Кембриджской школы и физики Америки, — установок на миллионы вольт и соответственных энергий потоков протонов и дейтонов. Тем не менее, после искусственного расщепления атомов протонами именно Ирен Кюри и Жолио достигли крупнейших успехов, пользуясь старыми, казалось, уже превзойденными средствами, при-

* Статья написана в связи с приездом супругов Жолио-Кюри в СССР для участия в работе Менделеевского съезда в Ленинграде и опубликована в газете: Известия, 1936, 24 сент.